

Г. А. Шершнев

Репрезентация этнокультурной идентичности
японского народа в экспозициях МАЭ РАН
(Кунсткамера) в 1920–1930-е годы

Шершнев Герман Александрович, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург), кафедра музейного дела и охраны памятников, студент 3-го курса, gerrman2@gmail.com

Автор доклада обращается к истории музейной мысли в области экспонирования этнографического материала в 1920–1930-е гг. Впервые реэкспозиция японского отдела (1936) МАЭ РАН рассмотрена в качестве предмета отдельного исследования. Особое внимание уделяется представлению в экспозиции японского народа согласно идеологическим установкам тех лет. Ряд архивных материалов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Кунсткамера, культурное наследие, музей, экспозиция, Япония.

Масштабные социокультурные трансформации советского общества, происходившие в 1930-е гг., коснулись как научную, так и музейную сферу. Период теоретико-методологического плюрализма, превалировавшего в этнографии на ранних этапах существования Советского государства, закончился утверждением марксистской методологии. Если прежде этнография рассматривала историю человечества с точки зрения таких понятий, как «культура» и «этнос», то теперь появилась необходимость апеллировать к понятию «класс», что отразилось на построении музейных экспозиций.

Рассмотрим процесс репрезентации в 1920–1930-е гг. особенностей культуры японского общества, включая и способ передачи черт этнокультурной идентичности, в экспозиционных практиках МАЭ РАН, проследив при этом эволюцию подходов к построению этнографических экспозиций тех лет.

Для 1920-х гг. был актуален этногеографический (классический) принцип построения экспозиции, при котором материал группировался по территориальной принадлежности. Одним из идеологов этого принципа был немецкий дипломат, естествоиспытатель Ф. Ф. Б. Зибольд¹. Преимущественно по тому же принципу в МАЭ

во второй половине 1920-х гг. создавалась экспозиция, посвященная особенностям быта и культуры Японии. На ней были представлены мужские и женские костюмы, модели куафюр, художественные фигуры кукол, модели жилищ и средств передвижения, а также имелся ряд экспонатов, посвященных военному наследию Японии; среди них образцы вооружения, а также фигура самурая на боевом коне. Здесь же экспонировались предметы декоративно-прикладного искусства: изделия из фарфора, лаковые, бронзовые и костяные изделия с резьбой, а также музыкальные инструменты². Таким образом, экспозиция знакомила посетителя с традиционной японской культурой.

Применялся и относительно новый для второй половины 1920-х гг. подход, который подразумевает объединение этнографического материала в рамках одной темы. Одной из важных особенностей этнокультурного самосознания японского народа является буддизм. С 1925 г. в МАЭ буддизму были посвящены три зала (№ 24, 25, 26). В них демонстрировались экспонаты, относящиеся к тибето-монгольскому, китайскому, сиамскому, непальскому, японскому буддизму³. Данная экспозиция была построена по тематическому принципу. Тема религии раскрывалась вне характеристики того или иного народа. Важность экспонирования религиозного материала подчеркивали многие музейные деятели 1920-х гг., в частности, Ф. И. Шмит, писавший о недопустимости изъятия из презентации исторического процесса такого важного пласта человеческой культуры, как религия⁴. Буддийская экспозиция МАЭ должна была передать культурные особенности данной религии в целом.

В 1930-е гг. перед этнографическими музеями остро встал вопрос о внедрении новых форм и принципов построения экспозиций. Важным событием, ставшим катализатором обсуждений подобных вопросов, явились заседания I Музейного съезда в Москве (1930). В его задачи входили значительные преобразования в музейной деятельности СССР. Современная экспозиция должна была стать доступной и политически ориентированной: музей рассматривался как наглядный учебник исторического материализма, политпросветительное учреждение. На Всероссийском музейном съезде были осуждены «музейный фетишизм» и «вещизм», что привело к возникновению нового иллюстративно-тематического метода построения экспозиций. Ключевая роль отводилась иллюстративному и интерпретативному материалу – графикам, диаграммам, картам, фотоматериалам и др. В те годы возник феномен «бумажных выставок», в которых роль музейного объекта была чрезвычайно мала, а зачастую музейный объект мог и вовсе отсутствовать.

Несмотря на тенденцию недооценивания подлинных памятников культуры, присутствие музейных предметов в экспозиции не было утрачено, так как иллюстративный материал не обладал той аттрактивностью и репрезентативностью, какую несли артефакты. Отсутствие подлинных предметов лишало возможности в достаточной мере передать особенности этнокультурной идентичности народа. Характерным примером синтеза актуальных для 1930-х гг. тенденций и классического подхода в построении экспозиции явилась реэкспозиция японского отдела МАЭ 1936 г.

В 1935 г. в МАЭ состоялось собрание Политпросветотдела с сотрудниками отдела Китая и Японии. На заседании поднимались следующие вопросы: «О внесении в существующие экспозиции отдела „Китая и Японии“ современных материалов (фото, карты, диаграммы), которые давали бы представление посетителю музея о современном положении страны»; «О необходимости установить в конце зала отдела Японии щита, на котором можно было бы заканчивать экскурсию по отделу „Китая и Японии“»⁵.

По результатам заседания было вынесено постановление: «Для опыта взять в отделах „Китая и Японии“ по одному шкапу, в первую очередь „Сельск. хозяйства“, и в плане показать, как отдел предлагает его изменить, что думает убрать и что внести нового и одновременно предоставить план альбомов к этим шкапам по той же теме, но альбомы не прикреплять к шкапам, а поместить их здесь же у шкапов на столиках»⁶. Выбор такой темы отвечал вышеупомянутым тенденциям в области построения экспозиции в МАЭ в рассматриваемый период. Было принято решение установить в конце экспозиции специальный информационный щит, на котором были помещены иллюстративно-вспомогательные материалы.

Основной задачей реэкспозиции японского отдела стало переоборудование трех шкафов для отражения темы крестьянского труда и народных промыслов. Шкаф № 20 должен был раскрывать тему шелководства, 21-й шкаф – земледелия, 22-й – рыболовства, то есть характерные для Японии отрасли народного хозяйства⁷. План реэкспозиции подготовил и представил глава Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, выдающийся востоковед, этнограф, историк Н. В. Кюнер.

Важной деталью экспозиции является наличие среди экспонатов американских плужков. Н. В. Кюнер отмечает их как «один из новейших способов обработки в мелких хозяйствах»⁸. Этот пример соответствует вышеупомянутой тенденции – возросший интерес к показу современности. Новая экспозиция должна была освещать не только историю японского земледелия, но и современное положение японских земледельцев.

Были размещены также предметы, относящиеся к народным верованиям: изображения божеств земледелия, а также богини Инари – синтоистского божества, символизирующего изобилие и жизненное благополучие. Эта богиня особенно почиталась в народной среде. Верования были распространены среди крестьянского населения, особенно в контексте земледелия. Успех посевных работ зачастую зависел от факторов, на которые человек не мог оказать влияние (например, погода), чем и обусловлена популярность земледельческих божеств.

Таким образом, целью новой экспозиции являлось ознакомление посетителя с особенностями материальной культуры и духовного мира японцев, основанное на формах народного хозяйства. Данная цель достигалась при помощи демонстрации подлинных памятников традиционной культуры, а также использования наглядного иллюстративного материала, который освещал современную экономику японского общества.

Новая экспозиция не была построена по сугубо иллюстративно-тематическому принципу. Она отражала современные тенденции музейной мысли, основывалась на марксистской методологии и показывала особенности культуры японского народа через формы хозяйствования, при этом не пренебрегая музейными объектами.

¹ Chapman W. R. Arranging Ethnology: A. H. L. F. Pitt Rivers and the Typological Tradition//Objects and others, Essays on Museums and Material Culture. Madison. P. 24.

² Исторический очерк и путеводитель по Музею антропологии и этнографии. Л., 1925. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 89.

⁵ Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 486. Л. 15.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4–6.

⁸ Там же. Л. 5.

UDC 39; 069

G. A. Shershnev

The Japanese People's Ethnocultural Identity
Representation in the Exposition Practices
of the Museum of Anthropology and Ethnography
RAS (Kunstkamera). 1929s–1930s

Shershnev German Alexandrovich, The St. Petersburg State University (St. Petersburg), the Department of Museum Affairs and Protection of Monuments, student, gerrman2@gmail.com

The relevance of the topic is due to the steady scientific interest in the ethno-cultural identity of the peoples of East Asia. It is necessary to study the experience in the field of exhibiting objects that demonstrate the culture of the Far East. Of particular interest is the history of museum thought in the field of exhibiting ethnographic material in the 1920s–1930s, especially in the context of modern exhibition practices of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera). The re-exposure of the Japanese Department (1936) has not been the subject of separate research before. Special attention is paid to the representation of the Japanese people in the exhibition according to the ideological attitudes of those years. A number of archival materials were studied for the first time and put into scientific use.

Key words: Kunstkamera, cultural heritage, museum, exhibition, Japan.